

А. Рычков

Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва. andrej.ryckov@gmail.com

О ПРАКТИКАХ КОММУНИКАЦИИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В. НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО ЧЕРНОВИКА¹

В статье рассматриваются практики коммуникации в Великом княжестве Литовском на примере черновика одного письма. Этот черновик был создан в 1526 г. в окружении литовского вельможи Юрия Радзивилла († 1541) и носил ярко выраженный антимосковский характер. В черновике Юрий Радзивилл изложил свое мнение литовскому господарю Сигизмунду Старому о том, почему нельзя позволить великому князю московскому быть коронованным руками папы римского Климента VII. Исследование выявило вклад вельможи и его личной канцелярии в подготовку письма и отправку его адресату.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, политическая коммуникация, «русские» письма, великий князь московский, корона

В мае 1526 г. в окружении трокского каштеляна и городенского старосты Юрия Радзивилла († 1541) бы написан черновик письма². В письме, которое должно было быть отправлено польскому королю и литовскому великому князю Сигизмунду Старому³ в Гданьск⁴, вельможа выражал обеспокоенность текущей политической ситуацией в регионе. Согласно полученным слухам, о которых ему сообщили виленский епископ Ян и виленский воевода Альберт Гаштольд, папа Климент VII предложит королевскую корону великому князю московскому Василию III в обмен на католическую веру. Именно с этой целью из Рима через Краков, Мальборк и Вильнюс в Москву направлялась миссия папского легата Джованни Франческо да Потенца и посланника московского государя Дмитрия Герасимова⁵. Для достижения своих целей в попытке сорвать эту миссию епископ и воевода уже отправили соответствующие письма господарю, о том же они просили и своего «молодшого» соратника⁶. Несмотря на то, что, согласовав общую позицию о задержании папского посла, вельможи от имени панов рады к Сигизмунду Старому отправили

¹ Статья подготовлена в рамках постдокторской стажировки, финансируемой Литовским научным советом (Lietuvos mokslo taryba), «Политическая коммуникация в Литве в эпоху великого князя Сигизмунда Старого», по программе № 09.3.3-LMT-K-712 «Развитие научной компетентности ученых, других исследователей, студентов через практическую научную деятельность». Номер договора: 09.3.3-LMT-K-712-02-0063. За консультации во время подготовки статьи и предоставление труднодоступной литературы искреннюю благодарность выражаю Йонасу Друнгиласу, Лаймонтасу Каралосу, Сергею Полехову, Руте Чапайте, Андриюсу Юркевичусу и Мартинасу Якулису.

² Подробнее см. Приложение.

³ После того как в конце XIV в. великий князь литовский Ягайло стал польским королем, некоторые его потомки (сын Казимир, внуки Александр и Сигизмунд, а также правнук Сигизмунд Август) занимали престолы двух государств — Польши и Литвы. Правление этих господарей было озаглавлено тем, что они много времени проводили то в одном, то в другом государстве (см.: [Borkowska, s. 36–78]).

⁴ С 17 апреля по 23 июля Сигизмунд Старый находился в Гданьске [Gašiorowski, s. 264].

⁵ Подробнее о причинах, целях и последствиях этой миссии см.: [Пирлинг, с. 317–329; Зимин, 1972, с. 303–305; Хорошкевич, 1980, с. 213–216; Язькова; Petrauskas, p. 44–45].

⁶ Подробнее см. Приложение.

свое посольство⁷, миссия Джованни Франческо да Потенца и Дмитрия Герасимова примерно в середине июня покинула Вильнюс, а 20 июля успешно прибыла в Москву [Пирлинг, с. 324].

Точно неизвестно, кто были те лица, что предоставили первичную информацию о миссии папского легата литовским вельможам. Детали происхождения этой информации несколько отличаются в посольских речах панов рады литовскому господарю и в черновике Юрия Радзивилла. В черновике упоминается, что сообщение из великокняжеского окружения было отправлено епископу и воеводе их друзьями⁸. Напротив, в посольских речах авторство передачи этой информации приписывается не друзьям вельмож, а самому великому князю: «што в(а)ша м(и)л(о)сть [господарь] тых часовъ рачыли до некоторых зъ их м(и)л(о)сти писать»⁹. Эта разница в данных не должна вводить в заблуждение.

Как отмечают исследователи практик частной переписки раннего Нового времени Джеймс Дейбелл и Эндрю Гордон, письмо было выражением коллективных действий — как в процессе его написания, так и в процессе отправки, чтения и архивирования [Daybell, Gordon, p. 3]. Только со времен правления Сигизмунда Августа (примерно с середины XVI в.) великие князья литовские начали писать письма «в частном порядке» — своей рукой, чаще письма писали дяки под надзором великокняжеских писарей и секретарей¹⁰. С конца второго десятилетия XVI в. писарь великого князя, которому был поручен контроль над написанием конкретного письма, оставлял свой автограф на конверте, удостоверяя подлинность отправляемого письма [Руськов, 2019b, p. 36–37]¹¹. На примере частной переписки в России XVII в. исследовательница Ольга Владимировна Новохатко утверждает, что коллективная практика написания письма не была связана с уровнем грамотности общества того времени [Новохатко, с. 54]¹². Заведомо грамотные люди, такие как царь, члены его семьи, даже приказные служащие, часто пользовались услугами писарей. Несмотря на некоторые защитные меры¹³, о переписке литовского господаря были информированы не только сотрудники великокняжеской канцелярии, но и другие сановники

⁷ Посольство возглавил виленский епископ Ян и трокский каштелян Юрий Радзивилл. Вероятнее всего, в посольстве также принимали участие великокняжеский подचाший Ян Радзивилл и великокняжеский маршалок Александр Ходкевич. Посольство в Варшаву прибыло в начале августа. Посольская речь: Акты, относящиеся к истории Западной России СПб., 1846. Т. 2. № 144. С. 171–176; Lietuvos Metrika (далее — LM). Vilnius, 2011. Кн. 7. № 368. Р. 597–602; перевод текста на литовский язык: [Jovaišas, p. 65–74; Dubonis]. О пребывании в Варшаве Яна Радзивилла и Александра Ходкевича в сентябре 1526 г. известно по нескольким подтверждающим листам Сигизмунда Старого (LM. Vilnius, 2001. Кн. 12. № 599. Р. 461; № 607. Р. 468; № 608. Р. 468; № 609. Р. 470; № 610. Р. 470). Вероятно, только после прибытия посольства господарь 11 августа выдал документ (верительную грамоту) послам, которые должны были направляться в Москву (Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. № 101. С. 714–715).

⁸ «и ж писано ку их м(и)л(о)сти ѿ двора в(а)шое м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)рьскоз(о) приатели их м(и)л(о)сти». Подробное см. Приложение.

⁹ [25 августа 1526 г. — 23 сентября]. Посольская речь (LM. Кн. 7. № 368. Р. 597).

¹⁰ Но первые автографы литовских господарей известны еще с начала XVI в. [Potkowski, s. 25–26, 32–33]. О практиках написания великокняжеских писем см.: [Руськов, 2019b]. О разнице в аппарате управления в Литовском и Московском государствах на примере писарей и дяков см.: [Граля].

¹¹ Эта практика была сформирована после того, как во втором десятилетии XVI в. произошел кризис доверия продукции великокняжеской канцелярии. Подробнее см.: [Bardach, s. 351–378; Груша, 2006, с. 62–70; Ragauskienė, 2016, p. 66–67].

¹² О такой же практике в Литве и Европе см.: [Ragauskienė, Ragauskas, p. 63–67, 149–158; Constable, p. 49–50].

¹³ Около 1516–1522 г. сформировалась практика, по которой писари, работавшие в канцелярии, должны были дать клятву о том, что «и вси рады его [господарский], которые бы колвекъ мне были допушоны або обявены, тые маю таемне заховати, а жадному ч(е)л(о)в(ек)у ихъ не маю обявляти» (LM. Vilnius, 1997. Кн. 224. № 25. Р. 59).

великокняжеского двора¹⁴. В то время, когда великий князь находился в Польше, они передавали различные новости и слухи из великокняжеского двора своим друзьям или покровителям в Литве¹⁵. Для передачи конфиденциальной информации, по крайней мере в первой половине XVI в., в Великом княжестве Литовском (далее — ВКЛ) не использовалось зашифрованное письмо¹⁶. Конфиденциальная информация передавалась в устной форме, когда посланник не только доставлял и вручал письмо адресату, но и дополнял его устным сообщением¹⁷.

Похоже, что без ведома или участия самого господаря информация о целях папской миссии не достигла бы литовских вельмож. Таким образом, различие в информации между черновиком письма Юрия Радзивилла и посольскими речами панов рады следует рассматривать как отражение коллективного процесса сочинения письма. Подобное выражение коммуникативного действия также можно обнаружить, проанализировав материал самого черновика, который был сочинен в окружении Юрия Радзивилла. Именно анализ такого источника раскрывает те методы коммуникации в ВКЛ, которые связаны со стадией сочинения письма, его бытованием до отправки адресату. Кроме того, публикуемый черновик является важным источником, позволяющим раскрыть аспекты негативного образа, который в глазах литовской знати имел в начале XVI в. великий князь московский.

Переписка литовского господаря, членов его семьи, а также литовской знати в контексте позднего Средневековья и раннего Нового времени на латыни, немецком и польском привлекала наибольшее внимание в историографии¹⁸. Культура сочинения писем на латыни и немецком возникла в результате деятельности католических миссий еще в языческой Литве и получила особое развитие с момента принятия крещения в конце XIV в. В первой половине XVI в. письма на этих языках использовались при общении с католическим или протестантским зарубежьем

¹⁴ Например, великокняжеский конюший Василий Чиж во время так называемой Стародубской войны в 1535 г. заранее информировал, о чем великий князь намеревается писать Юрию Радзивиллу. Также Чиж было известно содержание писем великого князя некоторым другим адресатам (Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. / Сост. М. Кром. М., Варшава, 2002. (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. = Monumenta historica res gestas Europae orientalis illustrantia. Fontes XV — XVII saec.). № 72. С. 161; № 79. С. 171).

¹⁵ О друзьях и агентах при великокняжеском дворе на примере Юрия Радзивилла см.: [Ragauskienė, 2009, p. 24, 28]. В 1538 г. Юрию Радзивиллу информацию передавали также дворяне и сановники королевского двора — королевский каморник Станислав Свирщ, краковский каштелян Ян Тарновский, краковский воевода Петр Кмита и маршалок королевского двора Ян Тенчинский [Ryčkov, 2019a, p. 24–25]. Некоторые из этих друзей и агентов даже без высокого социального статуса, находясь рядом с господарем, могли влиять на принятие его решений, см. на примере писаря великокняжеской (узкой) рады Ивана Сапеги († 1546) [Ryčkov, 2019a; Ryčkov, 2018a].

¹⁶ На примере Англии о использовании криптографии в позднем Средневековье — раннем Новом времени см.: [Daybell, p. 152–170].

¹⁷ По словам Джеймса Дейбелла посланники были как бы телесным продолжением самого письма. Так же как и на посольской службе, посланник выполнял посредническую функцию, которой доверяли обе стороны, как отправитель, так и адресат [Daybell, p. 141; Юзефович, с. 29]. В тех случаях, когда письменная форма должна была дополняться устным сообщением для заверения адресата о надежности посланника, в письме указывалось его имя и вписывалась такая формула: «ино што ѿн [диак мой Горемык] будет вашей м(и)л(о)сти ѿт нас мовити, ваша м(и)л(о)сть рачте ему верати, бо [то ест] на[ш]и речи» (29 июня [1511] г., письмо от великокняжеского маршала и городенского старосты Станислава Кишки великокняжескому писарю Ивану Сапеге († 1546); цит. по: [Ryčkov, 2018a, p. 114]).

¹⁸ Здесь упомянем только основные работы по этой теме: [Čapaitė, 1996; Čapaitė, 2001; Ragauskienė, Ragauskas; Chartularium Lithuaniae; Čapaitė, 2005; Ragauskienė, 2009; Čapaitė, 2012; Keršienė, 2013; Keršienė, 2014; Čapaitė, 2014].

либо иностранцами, проживающими внутри страны¹⁹. Письма на латыни также использовались в общении католического духовенства. По сравнению с латинской и немецкой традициями письма на польском начали использоваться в Литве гораздо позже — примерно в 30-е годы XVI в.²⁰ В течение десятилетия польский стал популярным как средство письменного общения знати и начал конкурировать с «русской» традицией [Ragauskienė, 1998; Ragauskienė, Ragauskas, p. 57].

Традиция написания «русских» писем зарождалась в православных регионах будущего ВКЛ с первой половины XI в. в форме посланий на бересте²¹. Как отмечает Наталья Петровна Панкратова, изучавшая язык частной переписки в Московском государстве, с XI по XVII в. очевидна преемственность эпистолярной традиции, бумажные письма раннего Нового времени сохранили элементы формуляра посланий, написанных на бересте (особенно в протоколе и эсхатоколе)²². Трудно сказать, использовалась ли в позднем Средневековье береста для передачи информации и в «Литовской земле» (лит. *tikroji Lietuva*)²³. В этом регионе археологами не было обнаружено ни одного подобного объекта. Археолог Эугениус Светикас, который исследовал самые ранние письменные инструменты, найденные археологами в Литве, — стилосы (стили-писала), обосновал их распространение в XV в. как часть латинской письменной культуры²⁴. Несмотря на отсутствие археологических материалов, с уверенностью можно утверждать, что благодаря сильным культурным центрам Руси, таким как Полоцк [Хорошкевич, 1966]²⁵, в позднем Средневековье традиция коммуникации, основанная на «русском» языке, распространилась в ВКЛ и была использована как православными, так и католиками. Исследования этой традиции в ВКЛ довольно эпизодические — основное внимание уделялось гендерным исследованиям [Ragauskienė, 2009; Keršienė, 2017], а также материальной истории [Груша, 2017], истории неформальных структур власти [Рушков, 2018a; Рушков, 2019a] и дипломатики²⁶.

¹⁹ Для коммуникации с иностранными партнерами также был использован и «русский» (рутенский) язык. Например, 19 марта 1534 г. в письме земскому подскарбию Ивану Горностаю канцлер Польского королевства и краковский епископ Петр Томицкий извинился за то, что долгое время не писал писем, потому что у него не было «русскоязычного» дьяка, а польским Горностаю не владел: «od dawnych czasow nie pisali ni dla czego jinego, jedno iz na ten czas diaka ruskiego nie mamy, a Twa Miłość hramoty naszej czyść nie umiesz» (Listy polskie XVI wieku. Kraków, 1998. Т. 1. Nr. 24. S. 57). Крымский хан Менгли-Гирей в начале XVI в. также переписывался на «русском» с тогдашним киевским воеводой Юрием Радзивиллом [Полехов, Зайцев].

²⁰ Такая ситуация также отражена в контексте частных документов. По утверждению Миндаугаса Кловаса, который изучает появление и развитие частных документов в ВКЛ, в первой трети XVI в. на польском языке известно лишь 5 частных документов (за тот же период известно 803 документа на «русском» и 282 на латинском языках) [Klovass, p. 73, 320]. Самое раннее известное письмо литовского вельможи на польском языке датируется 1531 г. (письмо виленского воеводы Альберта Гаштольда к королевскому секретарю Николаю Нипшицу: Listy polskie XVI wieku. Nr. 9. S. 17–18).

²¹ Берестяные грамоты на территории ВКЛ были найдены в Витебске, Смоленске и Мстиславле [Franklin, p. 37–38].

²² Сама Н. П. Панкратова эти элементы формуляра называла зачином и концовкой [Панкратова, 1963, с. 142; Панкратова, 1969, с. 135–138, 155]. Русские лингвисты предлагают и другие названия формуляра письма. Например, Святослав Семенович Волков использует термины «вводная», «центральная» и «заключительная» части письма [Волков, с. 10–12]. В нашей статье, говоря о формуляре письма, мы будем пользоваться терминами, привычными для дипломатики [Каштанов, с. 170].

²³ Историческое ядро Литовского государства, ныне находящееся на территории Восточной Литвы и Западной Белоруссии. Подробнее об этой дефиниции см.: [Полехов, с. 12, примеч. 3].

²⁴ Силосы использовали для написания текста на восковых табличках, а не на бересте [Svetikas, 1998; Svetikas, 1999].

²⁵ См. послания и верительные грамоты полоцких наместников, бояр и мещан: Полоцкие грамоты XIII — начала XVI века. М., 2015.

²⁶ В этой статье предложена классификация «русских» писем на основе разницы в статусе между отправителем письма и адресатом. По этому признаку выделяется три группы писем: а) письма, адресованные более низким по статусу; б) письма, адресованные более высоким по статусу; в) письма равных по статусу [Рушков, 2019b, p. 37–41]. На основании тех же принципов классифицируется польская корреспонденция раннего Нового времени [Mroczek, s. 132].

С точки зрения дипломатики формуляр письма может быть разделен на две группы — конверт и формуляр письма в узком смысле слова. Бумага в первой половине XVI в. была дорогой²⁷, у редкого письма того времени был отдельный конверт, поэтому само послание складывалось в форме конверта [Kuczyński, s. 114; Maué, s. 207–209; Chaplais, p. 123–124; Хорошкевич и др., с. 9; Груша, 2017, с. 164–165]. Через отверстия, сделанные в согнутом листе, продевалась бумажная лента (диаметром не более 0,5 см), а ее концы запечатывались воском. Один конец такой ленты мог иметь ромбовидное удлинение, через которое на конверт наносилась печать (это ромбовидное удлинение выполняло функцию кустодии). Таким изолированным способом должна была быть гарантирована «конфиденциальность» послания. На конверте указывался адрес получателя, а отправитель был представлен притиснутым через такую кустодию оттиском печати²⁸.

В черновике письма Юрия Радзивилла отсутствуют признаки конверта (не указан адрес получателя, нет следов запечатывания). Это неудивительно, поскольку конверт складывался и запечатывался только после того, как был написан чистовик. Вероятнее всего, сперва чистовик письма сгибался в форму конверта и запечатывался, и только после этого указывался адресат. Такой процесс хорошо отражен в письме канцлера и виленского воеводы Альберта Гаштольда виленскому каштеляну и наивысшему гетману Юрию Радзивиллу от 25 октября [1534] г.²⁹ Часть текста в адресе этого письма утрачена, потому что он был частично написан на ленте, с помощью которой перед отправлением был запечатан конверт. Литовская знать для запечатывания писем пользовалась штампами двух форматов — чаще всего перстневыми (сигнетами) и изредка большого формата [Ryčkov, 2019b, p. 34–35]. О том, что лишь в 20-е годы XVI в. начала формироваться дифференциация при выборе штампа для запечатывания писем, можно судить по косвенным упоминаниям в источниках. 23 сентября [1527] г. канцлер и виленский воевода Альберт Гаштольд предупредил виленского каштеляна Юрия Радзивилла, чтобы он на письмах к венгерскому королю оставил оттиск своей «великой печати», а не «перстневой» — «бо слушнѣи до так великого пана а до земли далекое великими печатми листы печатати, нижли секгнѣты»³⁰. У нас пока нет ни одного оригинального письма знати, отправленного великому князю литовскому, поэтому пока мы не можем четко ответить на вопрос о том, какой штамп, великий или перстневой, использовался при коммуникации с литовским правителем.

Раймонда Рагаускене, исследуя печати литовской знати, обнаружила, что их владельцы не только носили штампы на пальцах в виде перстня (сигнета), но и могли держать их на поясе в мошнах или хранили их вместе с другими важными документами в сундуках и ларцах [Ragauskienė, 2011, s. 351–353]. Тем не менее отправитель не был обязан собственноручно участвовать в процессе запечатывания конкретного письма. Эту функцию мог выполнять писарь, написавший письмо, который также отвечал за сохранность печати своего господина. Например, 24 октября 1536 г. полоцкий воевода Иван Глебович обратился с заявлением в великокняжеский суд о том, что его перстневой штамп был утерян писарем, которому была доверена его сохранность³¹. С той же проблемой столкнулся еще один писарь другого полоцкого воеводы — Станислава Довойны, — когда в 1547 г. он потерял штамп, используемый для запечатывания писем своего господина [Ragauskienė, 2011, s. 342].

²⁷ О ценах на бумагу в Польском королевстве и ВКЛ XVI–XVIII в. см.: [Laucevičius, 1967a, p. 45–50].

²⁸ Подробнее о печатях литовских бояр в XVI в. см.: [Ragauskienė, 2011].

²⁹ «Велеможному п(а)ну, г(о)с(по)д(и)ну, брату и приателю моему милому, пану Юрию Николаевичу Радивилу, пану виленскому, гетману наивышшому Великог(о) Кн(я)зства, маршалку дворному г(о)с(по)д(а)ря короля его м(и)л(ос)ти [старо]сте город(е)нскому дер(жавце) лядскому, [и белицко]му добродее мо[ему ласко]вому» (Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (далее — AGAD). Archiwum Warszawskie Radziwiłłów (далее — AWR). Dział XI-17. S. 32).

³⁰ AGAD. AWR. Dział XI-17. S. 23.

³¹ «...едучы ему до имения своего Солшникъ, писар его сыкнеть стратиль...» ([Ragauskienė, 2011, s. 351]; LM. Vilnius, 2009. Kn. 19. Nr. 248 {247}. P. 250).

Публикуемый в настоящей статье черновик имеет стандартный формуляр письма (в узком смысле), которое отправлялось более высокому по статусу адресату³². В этом конкретном случае формуляр должен был состоять из протокола, центральной части письма (лат. *narratio*) и эсхатокола (в котором указывались место написания письма, дата и интитуляция³³). В черновике Юрия Радзивилла отсутствует последняя часть этого формуляра.

Отличительной чертой формуляра письма, отправляемого более высокому по статусу, являлся очень лаконичный протокол, состоявший из обращения к адресату и инскрипции³⁴, только обращения³⁵ или только инскрипции³⁶. Письма, имеющие такой формуляр, могли быть написаны не только великому князю, но и любому лицу с более высоким статусом, чем отправитель, независимо от его пола. Например, при помощи именно такого формуляра Юрию Радзивиллу писал письма его слуга Ян Гайко³⁷, а также слуги княжны Софии Верейской, жены Альберта Гаштольда³⁸. Еще одна отличительная черта писем такого рода в том, что отправитель никогда не «поздравлял», то есть не приветствовал адресата (не использовал формулу салютации). Историк медицины Джоан Лэйн, изучавшая корреспонденцию в Англии в XVIII в., отмечает, что в то время о вопросах здоровья было принято говорить только в общении с лицами, равными по статусу [Lane, p. 208–210]. Та же тенденция прослеживается в первой половине XVI в. в ВКЛ при изучении «русских» писем. Отправитель письма спрашивал о состоянии здоровья адресата или членов его семьи или упоминал о своем собственном только при общении с лицами, равными ему по статусу³⁹. Третья отличительная черта такого формуляра — отправитель вместе с интитуляцией

³² Также о других формулярах «русских» писем см.: [Ryčkov, 2019b, p. 37–41].

³³ Интитуляцию не следует путать с подписью. По крайней мере, в течение рассматриваемого периода времени не было сформировавшейся традиции подписывать «русские» письма их отправителями, но подпись не была чуждой «русской» документальной письменности в ВКЛ. Можно выделить две различные формы подписи: более архаичную и формировавшуюся под влиянием латинской письменной культуры. В первом случае к личному имени добавлялась фраза «подписал своею рукою». Например, подпись Ивана Сапеги († 1517) на договоре о мире между Москвой и Литвой в 1508 г.: «А на Ивашко Сопѣжич маршалокъ и секретарь короля и великого кн(я)зя Жикгимонта своею роукою сию грамоту подписал» (РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 3. Ед. хр. 6). Во втором случае к имени добавлялось сокращение латинского слова «s(ub)s(cripsi)t» (рус. *подписал*). На примере подписи того же Ивана Сапеги на документе от 8 июля 1511 г.: «Ивашко Сопѣга s(ub)s(cripsi)t» (LM. Vilnius, 2019. Кн. 21. Р. XVIII. Ил. 4). О некоторых практиках подписания документов в ВКЛ в XV–XVI в. см.: [Груша, 2006, с. 122–127; Груша, 2019, с. 297–298].

³⁴ «Наіаснѣшому з Божее ласки г(о)с(по)д(а)рю н(а)шому м(и)л(о)стивому Жикгимонту королю польскому, великому кн(я)зю литовскому, рускому, прускому, жомойтскому и иных. М(и)л(о)стивы г(о)с(по)д(а)рю». Подробнее см. Приложение.

³⁵ «Наяснейший милостивый господарю» (4 июля 1534 г. и 1 августа того же года, письма полоцкого воеводы Яна Глебовича Сигизмунду Старому // Радзивилловские акты. № 31. С. 85; № 38. С. 96).

³⁶ «Господарю нашому милостивому, князю Федору Андреевичу Сангушковича, старосте володимерскому» ([май 1540 г.], письмо некоего Федора Промчейковича Корницкого своему господину // Archiwum ksiąząt Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1890. Т. 4. Nr. 191. S. 248).

³⁷ Например, 23 мая 1538 г. [Ryčkov, 2019a, p. 20–26].

³⁸ «Г(о)с(по)д(а)р(и)ни нашої м(и)л(о)стивої, панеї СДлбрахтової Мартиновича Кгаштолтової, панеї Зофїи, воеводиной виленскої, канцлѣревої г(о)с(по)д(а)ря короля его м(и)л(о)сти, старостиной белскої и мозырскої» (9 июня [1522–1549] г., письмо некоего Волдана из Траб // СПБИИ РАН. Кол. 124 (Коллекция С. В. Соловьева). Оп. 1. № 98). Или: «М(и)л(о)стивая г(о)с(по)д(а)р(и)не» (14 августа [1506–1549] г., письмо некоего Юрия Колычова из Койданово (ныне — город Дзержинск, Республика Беларусь) // СПБИИ РАН. Кол. 124 (Коллекция С. В. Соловьева). Оп. 1. № 107).

³⁹ См. на примере писем, адресованных великокняжескому писарю Ивану Сапеге († 1546). Краткое приветствие от канцлера и виленского воеводы Николая Радзивилла: «СД здорови твоее м(и)л(о)сти рад бых завжды слышал»; особо изощренное от дяди Василия Сапеги: «На каждыи, г(о)с(по)д(а)рю, день и час рад бых слышал ѿ здорови твоее м(и)л(о)сти, г(о)с(по)д(а)ря моего милого и надеи моее великое. А коли, г(о)с(по)д(а)рю, слышу здореве твоее м(и)л(о)сти, г(о)с(по)д(а)ря моего, тогда с того м(и)л(о)с(е)рд(н)ого сотворителя Б(о)га прошу и его с(вя)тое м(и)л(о)сти воли прошу, абы твоа м(и)л(о)сть м(и)л(о)с(е)рд(н)ыи Бог подержал и поздоровил на многии лѣта» (цит по: [Ryčkov, 2018a, p. 116, 121]). Единственным исключением могут считаться письма великого князя его ближайшему окружению, в которых он указывал на хорошее состояние своего здоровья, здоровья членов своей семьи, но это был жест вежливости, необязательно отражающий реальное состояние здоровья господара. Несмотря на то что в июне — июле 1534 г. Сигизмунд Старый был серьезно болен, великокняжеские письма имели такое приветствие: «Поведаем твоей милости, иж есмо з ласки Божее... здорови» (20 июня 1534 г.) (Радзивилловские акты. № 26. С. 80; [Ryčkov, 2019b, p. 39]).

всегда вежливо заканчивал письмо, используя фразеологизм: «низко чолом бьет»⁴⁰. С течением времени в ВКЛ выработался особый лексикон общения, который отличался от применяемого в Московском государстве⁴¹. В коммуникации лиц равного статуса использовались фразеологизмы, выражавшие вежливость, — «поклон» или «чолом бьет», и только в исключительных случаях «низко чолом бьет» [Ryčkov, 2019b, p. 39–40]. В отличие от Московского государства, в «русской» корреспонденции в ВКЛ индивид с более высоким статусом никогда в такой форме не выражал вежливость и дань уважения к своему собеседнику⁴².

Текст самого черновика Юрия Радзивилла был написан двумя разными почерками. Первым почерком была написана первоначальная его версия. Вероятно, это был не черновик, а чистовик письма: текст написан каллиграфически — скорописью, употреблявшейся в то время в великокняжеской канцелярии литовского господаря⁴³; в нем отсутствуют исправления, сделанные тем же почерком; текст начинается с инициальной буквы. Этот первоначальный текст был написан во владениях Юрия Радзивилла за пределами Вильнюса⁴⁴. Предположение делается на основе анализа дополнений, написанных вторым почерком, которые должны были быть сделаны по прибытии в Вильнюс. Юрий Радзивилл отправился в столицу после того, как узнал о прибытии папского посольства в Вильнюс от писаря виленского епископа и краковского каноника Якуба Сташковского. Уже после того, как вельможа прибыл в Вильнюс, вторым почерком в письме не только был вставлен эпизод визита Якуба Сташковского, но и в тексте о задержании посольства в Вильнюсе исправлено из «там загамовати» на «здѣсе загамовати»⁴⁵.

Кроме того, тем же почерком был усилен негативный образ московского государя⁴⁶. Лицо, которое редактировало текст, говоря о действиях московского правителя, термин «несправедливость» изменило на «превротность» (рус. 'коварность, двуличность, обманчивость')⁴⁷. Также при описании природы власти великого князя московского он был сравнен не с державцами замков и волостей великого князя литовского, а только лишь с державцой волостей⁴⁸.

Если эти замечания об обстоятельствах написания черновика верны, то становится более ясна практика написания эсхатокола. Эсхатокол (особенно место и дата) должен был быть написан непосредственно перед тем, как письмо было сложено и запечатано, а не вместе с протоколом и центральной частью письма. Это предположение также может быть подтверждено другим известным черновиком письма Юрия Радзивилла к господарю, датируемым примерно 1524–1528 г.⁴⁹ Этот черновик заканчивается указанием интитуляции, но в нем не хватает указания места

⁴⁰ Например, «Слуга вашой милости наменьший Федор Промчѣйкович Корницкий низко чолом бьетъ» ([май 1540 г.], письмо князю Федору Сангушке // *Archiwum książąt Sanguszków w Sławucie*. Т. 4. Nr. 191. S. 248).

⁴¹ О коммуникативной лексике в Московском государстве см.: [Тарабасова, с. 144–145; Накадзава].

⁴² См. на примере письма Василия III в Иосифо-Волоколамский монастырь, около 1531 г.: «от великого князя Василия Ивановича всея Руси успенія прчистые Сѳифова монастыря старцу куму нашему Касьяну челобите» [Зимин, 1963, с. 133]. Ср. письмо Сигизмунда Старого гетману Юрию Радзивиллу, 8 сентября 1532 г.: «Жикгимонт, Бож(е)ю милостью король польский... пану Юрию Николаевичу Радивиловича» (Радзивилловские акты. № 9. С. 61); или 7 августа [1506–1549] г.: «От Сѳбрахтовое Мартиновича Краштолтово Зофеи... намѣстнику н(а)шому коидоновскому Балцару Воитеховичу» (СПбИИ РАН. Кол. 124. Оп. 1. № 105).

⁴³ По мнению Эдвардаса Гудавичюса и Станислоаса Лазутки, термин «скоропись» по отношению к такому письму можно употреблять до некоторой степени условно, поскольку оно, будучи в значительной степени упрощенным, в общем, сохраняет вид полуустава, а буквы в нем не соединяются [Lazutka, Gudavičius, p. 149].

⁴⁴ О землевладении Юрия Радзивилла см.: [Malczewska, s. 81–93, 139–166].

⁴⁵ То есть 'там задержать' было изменено на 'здесь задержать'. Подробнее см. Приложение.

⁴⁶ Подробнее см. Приложение.

⁴⁷ Гістарычны слоўнік беларускай мовы. М., 2007. Вып. 27. С. 505; Кароткі гістарычны слоўнік беларускай мовы / Складальнік А. М. Булыка. М., 2015. С. 713.

⁴⁸ Подробнее см. Приложение.

⁴⁹ Этот черновик написан и исправлен теми же самыми двумя почерками, что и черновик 1526 г. (Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórniku (далее — ВК). Rkps. 1535. Nr. 52. S. 73–74v [старая нумерация: Nr. 25. S. 74–75]).

написания письма и даты⁵⁰. Место написания письма присутствует почти во всех письмах первой половины XVI в., а полное написание даты (года, месяца и дня) — только в монарших⁵¹. Знать указывала лишь день и месяц написания письма [Ryčkov, 2019b, p. 38, 40].

Мы располагаем очень скудными данными о составе личной канцелярии Юрия Радзивилла в 1509–1541 г.⁵² Несомненно, что состав канцелярии вельможи на протяжении 30 лет менялся. Известно, что должность «русского» писаря во второй половине 1520-х — начале 1540-х годов занимал Михаил Яловицкий [Ragauskienė, 2015, p. 90; Груша, 2019, с. 383], а Петр Семашко в этой должности упомянут лишь один раз — в конце 1532 г.⁵³ Для нужд вельможи его канцелярия в коммуникации с корреспондентами пользовалась не только «русским» [Ragauskienė, 2009, p. 24], но также латынью⁵⁴ и польским⁵⁵. А Юрию Радзивиллу в его бытность киевским воеводой (1511–1514) было направлено по крайней мере одно письмо на итальянском языке от крымского хана⁵⁶. При необходимости для решения возникших ситуаций на рынке можно было нанять внештатных «профессиональных» или «полупрофессиональных» дьяков (так называемых отсутных дьяков) [Груша, 2019, с. 384–385].

Исходя из анализа черновика, можно утверждать, что члены личной канцелярии постоянно сопровождали своего господина. Это был не один писарь или дьяк, который подготавливал разнообразную документацию и корреспонденцию, а группа лиц. Наподобие великокняжеской канцелярии эта группа лиц могла быть разделена не только по лингвистическому («русская», латинская, польская), но и по иерархическому принципу [Груша, 2006, с. 44–77]. Почти ничего неизвестно о дьяках, которые занимались в основном повседневной канцелярской работой — составляли и каллиграфически переписывали документы и письма, необходимые для Юрия Радзивилла⁵⁷. Вельможа доверял своим дьякам меньше, чем писарям, которые, помимо работы в канцелярии, также выполняли различные конфиденциальные и особые поручения господина. Например, уже упомянутый Петр Семашко в конце 1532 г. был послан с посольством к литовскому господарю для того, чтобы оправдать своего господина, который был обвинен в предательстве из-за конфликта с королевой Боной⁵⁸.

⁵⁰ «Наменшии слуга в(а)шое м(и)л(о)сти Юрьи Миколаевич низко чолом бьетъ» (ВКЛ. Rkps. 1535. Nr. 52. S. 74v).

⁵¹ Такая практика могла быть продиктована тем, что монаршие письма могли иметь юридическую силу [Груша, 2017, с. 164–171].

⁵² О частных дьяках и писарях в ВКЛ на рубеже XV–XVI в. см.: [Груша, 2019, с. 383–385].

⁵³ LM. Vilnius, 2019. Кн. 226. Р. 112.

⁵⁴ С сановниками Польского королевства: [1529]–1531 г., письма краковского епископа Петра Томицкого (Acta Tomiciana. Kórnik, 1901. Т. 11. Nr. 36. S. 31–32, Nr. 58. S. 49, Nr. 244. S. 191; Kórnik, 1915. Т. 13. Nr. 293. S. 279). Вероятно, в 1538 г. королевский каморник Станислав Свирщ, краковский каштелян Ян Тарновский, краковский воевода Петр Кмита и маршалок королевского двора Ян Тенчинский также писали Юрию Радзивиллу на латыни [Ryčkov, 2019a, p. 24–25]; королева Бона тоже слала письма Юрию Радзивиллу на латыни (22 июля 1535 г.) (Радзивилловские акты. № 75. С. 166–167).

⁵⁵ Особенно с членами своей семьи. Вторая жена (с 1515 г.) — Барбара — была дочерью польского вельможи, воеводы подольского Павла Колы [Błaszczuk, s. 228]. 26 июля 1535 г., письмо его жены Барбары (Listy polskie XVI wieku. Nr. 39. S. 91–93); [около 1536] г., письмо его дочери Барбары (Listy polskie XVI wieku. Nr. 41. S. 96); 12 марта 1536 г., письмо канцлера и виленского воеводы Альберта Гаштольда (Listy polskie XVI wieku. Nr. 43. S. 99–101); [1538] г., письмо самого Юрия Радзивилла королеве Боне тоже было написано на польском [Ryčkov, 2019a, p. 22].

⁵⁶ Письмо 1512 г. от крымского хана Менгли-Гирея Юрию Радзивиллу упомянуто в описании архива его внука, Христофора Радзивилла (1547–1603) [Zawadzki, s. 227].

⁵⁷ Известно имя только одного дьяка, служившего Юрию Радзивиллу: в 1520 г. некий дьяк «Миколай» (вероятно, его личность можно отождествить с уже упомянутым Михаилом Яловицким) вместе с двумя другими служебниками (маршалком Васком и жупранским наместником Костюшкой) во время раздела имущества покойных — отца и брата Юрия Радзивилла — представлял интересы своего господина (Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1870. Т. 7. № 9. С. 8).

⁵⁸ LM. Кн. 226. Р. 112–118. О феномене предательства в ВКЛ в конце XIII — первой половине XVI в. см.: [Ryčkov, 2018b].

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что публикуемый в настоящей статье черновик раскрывает самый первый этап подготовки будущего послания. В то время отправитель принимал активное участие в его составлении. В зависимости от статуса адресата служащие канцелярии выбирали нужный формуляр для конкретного письма, а содержание центральной его части зависело от воли и цели самого отправителя. Вероятно, после того как черновик был составлен, отношение отправителя к письму становилось более пассивным. От отправителя не требовалось принимать участие в подготовке чистовика, который по сравнению с черновиком содержал все необходимые части формуляра, а также в процессе «сшивания» и запечатывания самого письма. Эти процессы могли осуществляться и контролироваться служащими личной канцелярии вельможи — дьяками и писарями.

Проведенный анализ также помогает сформулировать новые вопросы для будущих исследований, особенно в перспективе изучения формуляров. Пока неясно, как в позднем Средневековье формировался канон формуляров «русских» писем в ВКЛ, какую роль в этом процессе играли письмовники и другая вспомогательная литература. Анализ конкретных примеров писем показывает, что такой канон в ВКЛ уже был сформирован в начале раннего Нового времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ

[Б. м.; Вильнюс], [1526 г. май]. Черновик послания трокского каштеляна и городенского старосты Юрия Радзивилла королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду Старому.

Юрий сообщает господарю о слухах, дошедших до него, о том, что миссии папского легата разрешено отправиться в Москву, а папа Климент VII с помощью этой миссии предложит московскому государю королевскую корону. Как и другие члены панов рады, Юрий просит задержать эту миссию в Литве. По словам Юрия, если бы московский государь стал королем, он не только был бы равным по статусу литовскому господарю, но и унизил бы достоинство Великого княжества Литовского. Ханы Большой Орды предоставляли князьям Руси временное княжение над Московским государством так же, как и литовский господарь предоставлял держать волости своим подданным. И если московский государь станет королем, тогда, возгордившись, наверняка попытается получить столицу Руси — Киев, поскольку он и теперь величает себя государем всея Руси.

Ориг.: Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórniku. Rkps. 1535. Nr. 51. S. 71–72v [старая нумерация: Nr. 24. S. 72–73]. Текст написан черными чернилами. Бумага, размер листа 71 × 33 × 21,3 см, листа 72 (нижняя часть листа обрезана) — 24,3 × 21,3 см.

Архивная судьба данной рукописи прослеживается вполне четко. Долгое время рукопись находилась на хранении в Кейданском архиве биржанской — дубинской ветви дома Радзивиллов⁵⁹. После того как члены этой ветви умерли, рукопись попала в Несвижский архив, принадлежавший другой ветви этой семьи. Оттуда в начале XIX в. она вместе с другими рукописями была украдена Каетаном Квятковским и продана графу Адаму-Титу Дзялинскому (1796–1861), основателю Курницкой библиотеки [Jaworski, s. 93–94]. Именно в Курнике была «создана» единица хранения 1535 — «Документы, относящиеся к правлению Казимира, Александра и Сигизмунда I Старого (пол. *Akta do panowania Kazimierza Jagiellończyka, Aleksandra Jagiellończyka i Zygmunta I Starego*). В нее, помимо рукописей из архива Радзивиллов, также попали и другие, относящиеся к данному периоду истории Польши и Литвы, часть которых в 1889 г. была приобретена в Берлине⁶⁰.

⁵⁹ Об этом свидетельствуют пометки на л. 72v (см. о них ниже).

⁶⁰ «Kupiłem na licytacji w Berlinie przez antykwaryat Stargardta 1889 r. M.» (BK. Rkps. 1535. Nr. 1. S. 1).

Водяной знак: Корона (просматривается очень нечетко). Похожа на № 1574 по каталогу Эдмундаса Лауцявичюса [Laucevičius, 1967b, p. 219]. Бумага с таким водяным знаком использовалась при написании рукописи в «Расейняй» — Немакшяй (Литва, Расейнский район), эта рукопись датируется 20 июня 1526 г. [Laucevičius, 1967a, p. 196]⁶¹. Эта же бумага среди прочих была использована и в списке Замойских Первого Литовского Статута [Lazutka, Gudavičius, p. 51].

Пометки на л. 72v: 1) «№. 6. Fasc. 7. Publichnych». В правом верхнем углу, по вертикали, черными чернилами. По утверждению Татьяны Николаевны Копреевой и Михаила Марковича Крома, этот архивный шифр относится к XVIII в. [Копреева, с. 141–142; Кром, с. 12–13]; 2) «6 5⁶² Listh⁶³ do krola J(ego) m(iłości) o posła moskiewskiego y papieskiego, kturemu papież koronu obiecał aby sie z kroleм polskim na wieki poiednał. Kopia listu od samego pana vilenskiego Radziwiła». Запись черными чернилами, сделана около 1527–1541 г.⁶⁴; 3) «Okolo 1525». Запись серым карандашом, конец XIX — XX в.

Текст публикуется в соответствии с правилами пунктуации современного русского языка, прописные и строчные буквы используются в соответствии с правилами орфографии современного русского языка. Большинство из ныне устаревших кириллических букв — «Ѡ», «Ѣ», «Ѥ», «Ѧ» — в публикации оставлены. Изменению подверглась только графика двух: буква «Ѩ» передается как «у», а «Ѧ» как «я». Сокращения, которые были использованы при написании черновика, раскрываются, а пропущенные буквы пишутся в круглых скобках. Слова или целые фразы, написанные над строкой, выделены знаком «\ /». Археографические примечания помещены под строкой, а примечания, связанные с лицами, упомянутыми в послании, отмечены отдельной алфавитной нумерацией и размещены после публикуемого текста.

⁶¹ Современный шифр документа: Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos Rankraščių skyrius. Žemaitijos dvarų kolekcija. F37-819.

⁶² Цифры написаны слева от текста, 6 над 5.

⁶³ Далее зачеркнуто: «od ranow rad Listh».

⁶⁴ Почерк первой половины — середины XVI в. За консультацию по датировке благодарю специалистов по палеографии Руту Чапайте (Вильнюс) и Йонаса Друнгиласа (Вильнюс). Дату можно уточнить по концовке записи: «od samego pana vilenskiego Radziwiła». В источниках XVI в. должность виленского каштеляна часто именовалась «пан виленский». Во время написания черновика Юрий Радзивилл занимал должность трокского (1522–1526), а не виленского каштеляна. Виленским каштеляном он стал только в 1527 г. Эту должность он занимал до своей смерти († 1541) [Kiaurienė, p. 116; Województwo Wileńskie, s. 109, 714].

|| [71] Нагаснѣишому⁶⁵ з Божее ласки г(о)с(по)д(а)рю н(а)шому м(и)л(о)стивому Жикгимонту^a, королю польскому, великому кн(я)зю литовскому, рускому, прускому, жомоитскому и иных.

М(и)л(о)стивы г(о)с(по)д(а)рю! Тых часов писали до мене, наменшого слуги в(а)шое м(и)л(о)сти, панове рады в(а)шое м(и)л(о)сти: кн(я)зь Юн^b, его м(и)л(о)сть бискуп виленский, и пан воевода, его м(и)л(о)сть виленский^c, иж писано ку их м(и)л(о)сти ѿ двора в(а)шое м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)рьског(о) приатели их м(и)л(о)сти, иж бы посол² ѿтца св(я)того папежа^d восполк с послом^{66c} неприателя в(а)шое м(и)л(о)сти великого кн(я)зя московского^e были у в(а)шое м(и)л(о)сти. Который ж посол папежский, яко бы перед в(а)шою м(и)л(о)стью г(о)с(по)д(а)рем н(а)шимъ поведил, иж послан до него ѿт ѿтца св(я)т(о)го папежа, еднаючи ему з вашою м(и)л(о)стью г(о)с(по)д(а)рем н(а)шим вѣчныи мир, а ѿ бѣуючи ему корону и реучи, бы в(а)ша м(и)л(о)сть вжо казали их пропустити до Москвы. И дали ми их м(и)л(о)сть ѿ том знати, яко бы их м(и)л(о)сть вжо ку в(а)шои м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)рю н(а)шому м(и)л(о)стивому ѿ том писали, чолом бьючи и радячи в(а)шои м(и)л(о)сти, абы в(а)ша м(и)л(о)сть тых послов до того неприателя в(а)шое м(и)л(о)сти с тым посолством не рачили казати пропустити для многих причин. А до мене теж их м(и)л(о)сть рады в(а)шое м(и)л(о)сти, яко то до молодшого, писали, абых и ја ку в(а)шои м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)рю н(а)шому м(и)л(о)стивому ѿ том писал. Ю, м(и)л(о)стивыи г(о)с(по)д(а)рю, яко то наменшии слуга в(а)шое м(и)л(о)сти, не видевши в том жадного листа в(а)шое м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)рьского, леч на их м(и)л(о)сти писанье, старших моих, до в(а)шои м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)ря н(а)ш(о)го м(и)л(о)стивого⁶⁷ \ того ѿ том был есми послал служебника моего с тым листом до в(ашей) м(илости) г(о)с(по)д(а)ря нашего ѿ тправи⁺ +^{68/}. + Ино, \ г(о)с(по)д(а)рю/, за тым приехал до мене каноник⁶⁹ \ краковз/ки \ Якуб/ Сташковский^ж и повѣдил мнѣ, што ж тые послы вжо ѿт в(ашей) м(илости) до Вилни пришли, а так, м(и)л(о)с(тивыи) г(о)с(по)д(а)рю, если бы тот посол папежский до него шол с короною, або ему ѿбѣуючи корону; в(а)шои м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)рю н(а)шому м(и)л(о)стивому покорне низко чолом бью, абы в(а)ша м(и)л(о)сть рачили казати⁷⁰ \ того посла папежского здѣсе^{71/} загамовати, а до того неприателя в(а)шое м(и)л(о)сти не пропускати и того боронити так, аж бы ѿн, неприател в(а)шое м(и)л(о)сти, не был корунован, для тое причины, иж есть превротныи, и не толко слова, але и присяги своее не держит, яко ж, м(и)л(о)стивыи г(о)с(по)д(а)рю, через докончане и присяги свои зрадливе немало панствѣ в(а)шое м(и)л(о)сти посел, и пишется титулом тых панствѣ в(а)шое м(и)л(о)сти ѿтчизных, ѿ которые в(а)ша м(и)л(о)сть с ним валку ведете. И если бы, м(и)л(о)стивыи г(о)с(по)д(а)рю, ѿн неако черес свою⁷² \ превротность^{73/} || [71v] мѣл корунованым паном зостати, а в(а)шои м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)рем н(а)шим прирожоным а з вѣку корунованым мел бы ровным братом ся меновати, рачте в(а)ша м(и)л(о)сть г(о)с(по)д(а)рь н(а)шь м(и)л(о)стивыи а мудрыи то высокостью разуму в(а)шое м(и)л(о)сти ѿгорнути, если то будет с пожиточным в(а)шое м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)рьским и посполитым земским. А в котором теж паниженню

⁶⁵ Инициальная буква размером в две строки.

⁶⁶ В рукописи: полем.

⁶⁷ Далее зачеркнутый текст: пишу, ести бы, м(и)л(о)стивыи г(о)с(по)д(а)рю, так было. Исправление другим почерком написано над перечеркнутым текстом и далее вдоль правого края листа.

⁶⁸ Предложение (до точки с запятой), которое следует после знака «+», написано на нижнем поле л. 72 под знаком вставки.

⁶⁹ Далее зачеркнуто: в(ашей) м(илости) .

⁷⁰ Далее зачеркнуто: тых послов папежских там.

⁷¹ Фраза написана другим почерком.

⁷² Далее зачеркнуто: несправедливость.

⁷³ Слово написано другим почерком.

тоє панство в(а)шое м(и)л(о)сти ѿчизное Великоє кн(я)зьство Литовское зостанет, которое з давных часов заңнеишое и в лепшом ѡславеню есть, нижли Кн(я)зьство Московское, бо, м(и)л(о)стивыи г(о)с(по)д(а)рю, Кн(я)зьство Московское ц(а)рь заволзкий руским кн(я)жатоу даивал держати по годоу немнѣи так, јако и в(а)ша м(и)л(о)сть г(о)с(по)д(а)рь наш кому з ласки⁷⁴ або волости свои даете. Чого ж, м(и)л(о)стивыи г(о)с(по)д(а)рю, назнама не толко сын теперешнег(о) ц(а)ря заволзкого³, которыи ц(а)рем есть, але и ѡ(те)цъ его⁴, которыи тых часов у в(а)шои м(и)л(о)сти руках, того титулу ему не ѡпустил, а завжды его холопом заветъ. И коли ѡн, м(и)л(о)стивыи г(о)с(по)д(а)рю, таковым, јако бы мѣл ку короне приити, а в(а)шои м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)рю н(а)шому м(и)л(о)стивому равным быти. А пакли ж бы, м(и)л(о)стивыи г(о)с(по)д(а)рю, его то не мѣло минутъ, а мел бы коронованым паном зостати; не вем, аж бы за тым не пришел в болшии пыхъ и не прагнулъ на столец рускии — на Киев, которыи тых часов есть в моци в(а)шое м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)ря н(а)ш(о)го м(и)л(о)стивого. Яко ж вжо пишет ся г(о)с(по)д(а)рем всеа Руси, не маючи в себе столеца руского, и чого ж Боже не даи, аж бы не была большаа шкода, нижли пожиток, для тоє причины, естли бы через таковое посолство в(а)шои м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)рю н(а)шому м(и)л(о)стивому мир с нимъ мел ся стати. Вшак же в(а)ша м(и)л(о)сть г(о)с(по)д(а)рь н(а)шь м(и)л(о)стивыи а мудрыи вѣдаете, што с тым маете вчинити, как будет з вашои м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)рским добрым и посполитым пожиточным земским. Нижли ја, м(и)л(о)стивыи г(о)с(по)д(а)рю, јако то наменшии слуга в(а)шое м(и)л(о)сти на писанье панов их м(и)л(о)сти рад в(а)шое м(и)л(о)сти, старших моихъ, до в(а)шои м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)ря || [72] н(а)ш(о)го м(и)л(о)стивого ѡ том пишу, што ся мнѣ, наменшому слуге в(а)шое м(и)л(о)сти, видело. А вед жо то все есть на воли в(а)шои м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)ря н(а)шого м(и)л(о)стивого.

Примечания:

а) Сигизмунд Старый (1467–1548); б) Ян, княжич литовский (1499–1538), внебрачный сын Сигизмунда Старого [Swieżawski]; в) Альберт Гаштольд († 1539) [Kuzmińska, 1927; Kuzmińska, 1928; Pocięcha]; г) Джованни Франческо да Потенца, епископ Скары (Швеция) (Ioannes Franciscus Cina de Potentia) [Россия в первой половине XVI в., с. 294–295, примеч. 33]; д) Климент VII (1478–1534); е) Дмитрий Герасимов (после † 1536) [Казакова]; ё) Василий III (1479–1533); ж) Якуб Сташковский (пол. Jakub Staszkowski; лит. Jokūbas Staškovičius) († 1536/1537), в то же время занимал должность писаря виленского епископа Яна [Ališauskas etc., Nr. 591, p. 112]; з) Шейх-Айдар. Именно он в конце 1524 г. в сношениях с Литвой и Польшей титуловался заволжским и ногойским царем: «...от Ших Айдара, царя [за]волского и нагайского» (ЛМ. Кп. 7. Nr. 236.1. P. 435). Вероятнее всего именно его в 1523 г. в Астрахани сверг «без нагаи» Хусейн, сын Джанибека [Зайцев, 2006, с. 93–96, 99]; и) Шейх-Ахмед († 1528/1529) [Зайцев, 2004; Варонін, с. 127–149].

Литература

Варонін В. А. З гісторыі ўзаемаадносін Вялікага Княства Літоўскага з татарамі ў канцы XV — першай трэці XVI стст.: Хан Шыг-Ахмат // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2011. Вып. 4. С. 127–149.

Волков С. С. Эмоционально-экспрессивные средства частной переписки XVII в. // Историческая лексикология и лексикография. СПб., 2010. Вып. 8. С. 7–14.

Граля И. Дьяки и писари: аппарат управления в Московском государстве и Великом княжестве Литовском (XVI — начало XVIII века) // От Древней Руси к России нового времени. Сборник статей. К 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич. М., 2003. С. 148–164.

Груша А. І. Канцлярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. Мінск, 2006. 215 с.

⁷⁴ Далее зачеркнуто: свое замки.

- Груша А. И. Зачем документы «зашивали»? Об одной внешней форме документов в Великом Княжестве Литовском в конце XIV – первой половине XVI в. // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2017. Вып. 32. С. 164–175.
- Груша А. И. Кризис доверия? Появление и утверждение правового документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV – первая треть XVI в.). М., СПб., 2019. 608 с.
- Зайцев И. В. Шейх-Ахмед – последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и Польско-Литовское государство в начале XVI в.) // Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). Очерки. М., 2004. С. 99–120.
- Зайцев И. В. Астраханское ханство. 2-е изд., испр. М., 2006. 303 с.
- Зимин А. А. Переписка старцев Иосифо-Волоколамского монастыря с Василием III // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 131–135.
- Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. 452 с.
- Казакова Н. А. Дмитрий Герасимов (Митя Толмач, Митя Малый) // СККДР. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 195–196
- Капитанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988. 229 с.
- Копреева Т. Н. Обзор польских рукописей Государственной Публичной библиотеки (Собрание П. П. Дубровского) // Труды Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1958. Т. V (8). С. 137–165.
- Кром М. М. Введение // Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. / Сост. М. Кром. М.; Варшава, 2002. (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. = Monumenta historica res gestas Europae orientalis illustrantia. Fontes XV – XVII saec.). С. 5–22.
- Накадзава А. К проблеме происхождения и эволюции этикетных формул «поклон» и «челобитье» в Древней Руси // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 653–677.
- Новохатко О. В. Россия. Частная переписка XVII века. М., 2018. 663 с.
- Панкратова Н. П. Элементы эпистолярной традиции в частной переписке XVII века // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 134–143.
- Панкратова Н. П. Из истории частной переписки на Руси // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 127–155.
- Пирлинг О. Россия и папский престол / Пер. с фр. В. П. Потемкина. М., 1912. 452 с.
- Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. 709 с.
- Полехов С. В., Зайцев И. В. Два послания Менгли-Гирея I киевскому воеводе Юрию Николаевичу Радивилу (1512–1513 гг.) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 4. С. 720–732. DOI 10.22378/2313-6197.2019-7-4.720-732
- Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Сост., автор вв. статей, примечаний, указателей О. Ф. Кудрявцев. М., 1997. 408 с.
- Тарабасова Н. И. Об одном фразеологизме в частной переписке XVII века // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 144–155.
- Хорошкевич А. Л. Русские грамоты 60–70-х годов XV в. из бывшего рижского городского архива // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 325–341.
- Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. 293 с.
- Хорошкевич А. Л., Полехов С. В., Воронин В. А., Груша А. И. Введение // Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века. М., 2015. Т. 1. С. 7–25.
- Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988. 216 с.
- Язькова В. Е. Папский престол и Московское государство (к истории дипломатических связей в первой половине XVI в.) // Средние века. 1995. № 58. С. 199–205.

- Ališauskas V., Jaszczolt T., Jovaiša L., Paknys M.* Lietuvos katalikų dvasininkai XIV – XVI a. Vilnius, 2009. 456 p.
- Bardach J.* Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego, XIV–XVII w. Warszawa, 1970. 402 s.
- Błaszczyk G.* Radziwiłł Jerzy // *Polski Słownik Biograficzny.* Warszawa; Wrocław; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1987. T. 30. S. 225–229.
- Borkowska U.* Dynastia Jagiellonów w Polsce. Warszawa, 2011. 630 s.
- Chaplais P.* English Diplomatic Practice in the Middle Ages. London; New York, 2003. 292 p.
- Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedemine illustrans / Parengė S. C. Rowell.* Vilnius, 2003. 420 p.
- Constable G.* Letters and Letter-Collections. Turnhout, 1976. 68 p.
- Čapaitė R.* Vytauto laišakai kaip Viduramžių epistolinio žanro pavyzdys // *Metraščiai ir kunigaikščių laišakai /* Atsakingas red. M. Vaicekuskas. Vilnius, 1996. P. 47–95.
- Čapaitė R.* Lietuvos didžiojo kunigaikščio Vytauto kasdienybė pagal jo ir jo amžininkų korespondenciją // *Alytaus miesto istorijos fragmentai /* Sud. A. Jakunskienė. Alytus, 2001. P. 18–27.
- Čapaitė R.* The Everyday Life of Grand Duke Vytautas of Lithuania According to Contemporary Correspondence // *Lithuanian Historical Studies.* 2005. Vol. 8 (2003). P. 1–26.
- Čapaitė R.* List jako narzędzie komunikacji wielkiego księcia litewskiego Witolda // *Studia Źródłoznawcze.* 2012. T. 50. S. 41–56.
- Čapaitė R.* Sveikatos tema Lietuvos didžiojo kunigaikščio Vytauto ir jo amžininkų laiškuose // *Senoji Lietuvos literatūra.* 2014. Kn. 38. P. 191–252.
- Daybell J.* The Material Letter in Early Modern England. Manuscript Letters and the Culture and Practices of Letter-Writing, 1512–1635. Basingstoke, 2012. 357 p.
- Daybell J., Gordon A.* New Directions in the Study of Early Modern Correspondence // *Lives and Letters.* 2012. Vol. 4. № 1. P. 1–7.
- Dubonis A.* Vytauto karūna // *Vytautas Didysis ir jo epocha.* Trakai, 2010. P. 21–24.
- Franklin S.* Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300. Cambridge, 2002. 325 p.
- Gąsiorowski A.* Itineraria dwu ostatnich Jagiellonów // *Studia Historyczne.* 1973. R. 16. Zesz. 2 (61). S. 249–275.
- Jaworski R.* Nieznana korespondencja króla Zygmunta Augusta z Mikołajem Radziwiłłem Rudym i Ostafim Wołłowiczem z lat 1550-1571 ze zbiorów Biblioteki Czartoryskich // *Studia Źródłoznawcze.* 2003. T. XLI. S. 91–108.
- Jovaišas A.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės Ponų tarybos laiškas karaliui Žygimantui dėl Lietuvos karalystės atkūrimo (1526) // *Šešiolikto amžiaus raštija.* Vilnius, 2000. (Senoji Lietuvos literatūra. Kn. 5). P. 64–75.
- Keršienė D.* XIV–XVI a. LDK valdovo laiškas: tradicija ir modernėjimo procesai // *Senoji Lietuvos literatūra.* Vilnius, 2013. Kn. 33. P. 15–52.
- Keršienė D.* Illustrissima princeps, serenissima regina et domina clementissima: LDK valdovių, didikių epistolika. (XIV a. pab. – XV a. pirmoji pusė) // *Senoji Lietuvos literatūra.* Vilnius, 2014. Kn. 38. P. 149–190.
- Keršienė D.* Ultima serva: Lietuvos didžiosios kunigaikštienės Elenos Aleksandrienės epistolika // *Senoji Lietuvos literatūra.* Vilnius, 2017. Kn. 43. P. 73–117.
- Kiaupienė J.* Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valstybės erdvės kaita // *Kiaupienė J., Lukšaitė I.* Veržli Naujųjų laikų pradžia. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė 1529–1588 metais. Vilnius, 2013. (Lietuvos istorija. T. 5). P. 133–184.
- Klovas M.* Privačių dokumentų atsiradimas ir raida Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XIV a. pabaigoje – XVI a. pradžioje (1529 m.). Дис. ... д-ра истор. наук. Vilnius, 2017. 518 p.
- Kuczyński S. K.* Pieczęcie książąt mazowieckich. Wrocław, 1978. 435 s.
- Kuźmińska M.* Olbracht Marcinowicz Gasztold // *Ateneum Wileńskie.* 1927. R. 4. Z. 13. S. 349–391.
- Kuźmińska M.* Olbracht Marcinowicz Gasztold // *Ateneum Wileńskie.* 1928. R. 5. Z. 14. S. 121–174.
- Lane J.* ‘The Doctor Scolds Me’: The Diaries and Correspondence of Patients in Eighteenth-Century England // *Patients and Practitioners. Lay Perceptions of Medicine in Pre-industrial Society.* Cambridge, 2002. P. 205–248.

- Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius, 1967. [Laucevičius, 1967a]
- Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Atlasas. Vilnius, 1967. [Laucevičius, 1967b]
- Lazutka S., Gudavičius E. Pirmasis Lietuvos Statutas. Paleografinė ir tekstologinė nuorašų analizė. Vilnius, 1983. D. 1. 419 p.
- Malczewska M. Latyfundium Radziwiłłów w XV do połowy XVI wieku. Warszawa, 1985. 169 s.
- Maué H. Verschlossene Briefe, Briefverschlusssiegel // Kommunikationspraxis und Korrespondenzwesen im Mittelalter und in der Renaissance. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1998. S. 205–231.
- Mroczek K. Tytulatura w korespondencji staropolskiej jako problem stosunku między nadawcą a odbiorcą // Pamiętnik literacki. 1978. Roczn. 69. Zesz. 2. S. 127–148.
- Petrauskas R. Vienas karalius ir du bandymai: karalystės projektai viduramžių Lietuvoje // Acta academiae artium Vilmensis. 2012. T. 65–66. P. 41–50.
- Pociecha W. Gasztold Olbracht // Polski słownik biograficzny. Wrocław, 1948. T. 7. S. 299–303.
- Potkowski E. Podpisy królów polskich // Miscellanea historico-archivistica. Warszawa; Łódź, 1987. T. 2. S. 5–37.
- Ragauskienė R. Valdovas ir didikas: Žygimanto Augusto ir Mikalojaus Radvilos Rudojo 1546–1572 m. komunikacijos modelis jų korespondencijos šviesoje // Lituanistica. 1998. Nr. 2. P. 13–41.
- Ragauskienė R. Rusėniška XV a. pab. – XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės moterų – valdovių ir didikų – korespondencija // Istorija. 2009. T. 76. P. 18–30.
- Ragauskienė R. Tłoki pieczętnie szlachty Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI w. (na podstawie Metryki Litewskiej). Materjały do archeologii prawa // Сфрагістичний щорічник. Київ, 2011. Вып. 1. S. 338–358.
- Ragauskienė R. Dingę istorijoje. XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajorijos privatūs archyvai. Vilnius, 2015. 366 p.
- Ragauskienė R. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kanceliarija ir Lietuvos Metrika XV–XVI a. pirmojoje pusėje // Susigrąžinant praeitį. Lietuvos Metrikos istorija ir tyrimai. Vilnius, 2016. P. 51–70.
- Ragauskienė R., Ragauskas A. Barboros Radvilaitės laišakai Žygimantui Augustui ir kitiems. Vilnius, 2001. 254 p.
- Ryčkov A. „Ни на кого надеи не маю, толко на милосердного Бога да на вашу милость“. Lietuvos kilmingųjų laišakai, adresuoti valdovo raštininkui Jonui Bogdanaičiui Sapiegai, [1507]–[1515] m. // Lietuvos istorijos studijos. 2018. T. 42. P. 105–128. DOI 10.15388/LIS.2018.42.12391. [Ryčkov, 2018a]
- Ryčkov A. Judo bučynys: valdovo išdavystės samprata Lietuvoje (XIII a. pabaiga – XVI a. vidurys). Vilnius, 2018. 278 p. [Ryčkov, 2018b]
- Ryčkov A. Valdovo raštininko Jono Bogdanaičio Sapiegos (+ 1546) galios telkimas XVI a. pradžioje // Lietuvos istorijos metraštis. 2019. [Nr.] 1. P. 5–31. DOI 10.33918/2019/1/1 [Ryčkov, 2019a]
- Ryčkov A. Rusėniškų laiškų formuliaras Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje ankstyvaisiais naujaisiais laikais // Lietuvos istorijos studijos. 2019. T. 44. P. 31–46. DOI 10.15388/LIS.2019.44.2 [Ryčkov, 2019b]
- Svetikas E. Kauliniai stiliai – vėlyvųjų viduramžių ir naujųjų amžių rašikliai Lietuvoje // Lituanistica. 1998. Nr. 3 (35). P. 21–42.
- Svetikas E. Lietuvoje aptikti vaškuotų lentelių pėdsakai // Lituanistica. 1999. Nr. 3 (39). P. 45–77.
- Swieżawski A. Jan (Janusz) z Książąt Litewskich // Polski Słownik Biograficzny. Warszawa; Wrocław; Kraków, 1963. T. 30. S. 439–441.
- Województwo Wileńskie XIV–XVIII wieku / Oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba, P. P. Romaniuk. Przy współpracy U. Jemialianczuka i A. Macuka. Warszawa, 2004. (Urzednicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 1). 764 s.
- Zawadzki J. Sumariusz dokumentów Krzysztofa Radziwiłła „Pioruna” z 1604 r. jako źródło do dziejów rodziny i Wielkiego Księstwa Litewskiego // Miscellanea Historico-Archivistica. 2018. T. 25. S. 221–245.

References

- Ališauskas, V., Jaszczolt, T., Jovaiša, L., Paknys, M. Lietuvos katalikų dvasininkai XIV – XVI a. Vilnius, 2009. 456 p.
- Bardach, J. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego, XIV–XVII w. Warszawa, 1970. 402 s.

- Błaszczyk, G. Radziwiłł Jerzy. In *Polski Słownik Biograficzny*. Warszawa; Wrocław; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1987. T. 30. S. 225–229.
- Borkowska, U. *Dynastia Jagiellonów w Polsce*. Warszawa, 2011. 630 s.
- Chaplais, P. *English Diplomatic Practice in the Middle Ages*. London; New York, 2003. 292 pp.
- Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedeminne illustrans*. Parengė S. C. Rowell. Vilnius, 2003. 420 p.
- Constable, G. *Letters and Letter-Collections*. Turnhout, 1976. 68 p.
- Čapaitė, R. Vytauto laiška kaip Viduramžių epistolinio žanro pavyzdys. In *Metraščiai ir kunigaikščių laiška*. Atsakingas red. M. Vaicekauskas. Vilnius, 1996. P. 47–95.
- Čapaitė, R. Lietuvos didžiojo kunigaikščio Vytauto kasdienybė pagal jo ir jo amžininkų korespondenciją. In *Alytaus miesto istorijos fragmentai*. Sud. A. Jakunskienė. Alytus, 2001. P. 18–27.
- Čapaitė, R. The Everyday Life of Grand Duke Vytautas of Lithuania According to Contemporary Correspondence. In *Lithuanian Historical Studies*. 2005. Vol. 8 (2003). Pp. 1–26.
- Čapaitė, R. List jako narzędzie komunikacji wielkiego księcia litewskiego Witolda. In *Studia Źródłoznawcze*. 2012. T. 50. S. 41–56.
- Čapaitė, R. Sveikatos tema Lietuvos didžiojo kunigaikščio Vytauto ir jo amžininkų laiškuose. In *Senoji Lietuvos literatūra*. 2014. Kn. 38. P. 191–252.
- Daybell, J. *The Material Letter in Early Modern England. Manuscript Letters and the Culture and Practices of Letter-Writing, 1512–1635*. Basingstoke, 2012. 357 pp.
- Daybell, J., Gordon, A. New Directions in the Study of Early Modern Correspondence. In *Lives and Letters*. 2012. Vol. 4. № 1. Pp. 1–7.
- Dubonis, A. Vytauto karūna. In *Vytautas Didysis ir jo epocha*. Trakai, 2010. P. 21–24.
- Franklin, S. *Writing, Society and Culture in Early Rus, c. 950–1300*. Cambridge, 2002. 325 pp.
- Gąsiorowski, A. Itineraria dwu ostatnich Jagiellonów. In *Studia Historyczne*. 1973. R. 16. Zesz. 2 (61). S. 249–275.
- Gralya, I. D'yaki i pisari: apparat upravleniya v Moskovskom gosudarstve i Velikom knyazhestve Litovskom (XVI – nachalo XVIII veka) [The Dyaks and the Scribes: Administrative Apparatus in the Muscovy and the Grand Duchy of Lithuania (the 16th – Early 18th Centuries)]. In *Ot Drevnei Rusi k Rossii novogo vremeni. Sbornik statei. K 70-letiyu Anny Leonidovny Khoroshkevich*. Moscow, 2003. Pp. 148–164.
- Grusha, A. I. Kantsylyaryya Vyalikaga knyastva Litouskaga 40-kh gadou XV – pershai palovy XVI st. [The Chancery of the Grand Duchy of Lithuania from the 1440s to the First Half of the 16th Century]. Minsk, 2006. 215 pp.
- Grusha, A. I. Zachem dokumenty “zashivali”? Ob odnoi vneshnei forme dokumentov v Velikom Knyazhestve Litovskom v kontse XIV – pervoi polovine XVI v. [Why Were the Documents “sewn up”? About One of the External Form of Documents in the Grand Duchy of Lithuania in the End of the 14th – the First Half of the 16th Centuries]. In *Gistarychna-arkhealagichny zbornik*. Minsk, 2017. Issue 32. Pp. 164–175.
- Grusha, A. I. Krizis doveriya? Poyavlenie i utverzhdienie pravovogo dokumenta v Velikom Knyazhestve Litovskom (konets XIV – pervaya tret' XVI v.) [Crisis of Trust? Appearance and Establishment of Legal Document in the Grand Duchy of Lithuania (the End of the 14th – the First Third of the 16th Centuries)]. Moscow; Saint Petersburg, 2019. 608 pp.
- Jaworski, R. Nieznana korespondencja króla Zygmunta Augusta z Mikołajem Radziwiłłem Rudym i Ostafim Wołłowiczem z lat 1550-1571 ze zbiorów Biblioteki Czartoryskich. In *Studia Źródłoznawcze*. 2003. T. XLI. S. 91–108.
- Jovaišas, A. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės Ponų tarybos laiškas karaliui Žygimantui dėl Lietuvos karalystės atkūrimo (1526). In *Šešiolikto amžiaus raštija*. Vilnius, 2000. (Senoji Lietuvos literatūra. Kn. 5). P. 64–75.
- Kashtanov, S. M. *Russkaya diplomatika [The Russian Diplomats]*. Moscow, 1988. 229 pp.
- Kazakova, N. A. Dmitrii Gerasimov (Mitya Tolmach, Mitya Malyi) [Dmitrii Gerasimov (Mitya the Translator, Mitya Malyi)]. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, 1988. Vol. 2. Part 1. Pp. 195–196.
- Keršienė, D. XIV–XVI a. LDK valdovo laiškas: tradicija ir modernėjimo procesai. In *Senoji Lietuvos literatūra*. Vilnius, 2013. Kn. 33. P. 15–52.

- Keršienė, D. Illustrissima princeps, serenissima regina et domina clementissima: LDK valdovių, didikių epistolika. (XIV a. pab. – XV a. pirmoji pusė). In *Senoji Lietuvos literatūra*. Vilnius, 2014. Kn. 38. P. 149–190.
- Keršienė, D. Ultima serva: Lietuvos didžiosios kunigaikštienės Elenos Aleksandrienės epistolika. In *Senoji Lietuvos literatūra*. Vilnius, 2017. Kn. 43. P. 73–117.
- Khoroshkevich, A. L. Russkie gramoty 60–70-kh godov XV v. iz byvshego rzhskogo gorodskogo arkhiva [The Russian Charters Dated on the 1460s – 1470s from the Former Riga City Archive]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1965 god*. Moscow, 1966. Pp. 325–341.
- Khoroshkevich, A. L. Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii kontsa XV – nachala XVI v. [The Russian State in the System of International Relations in the Late 15th – Early 16th Centuries]. Moscow, 1980. 293 pp.
- Khoroshkevich, A. L., Polekhov, S. V., Voronin, V. A., Grusha, A. I. Vvedenie [Introduction]. In *Polotskie gramoty XIII – nachala XVI veka*. Moscow, 2015. Vol. 1. Pp. 7–25.
- Kiaupienė, J. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valstybės erdvės kaita. In *Kiaupienė J., Lukšaitė I. Veržli Naujųjų laikų pradžia. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė 1529–1588 metais*. Vilnius, 2013. (Lietuvos istorija. T. 5). P. 133–184.
- Klovas, M. Privačių dokumentų atsiradimas ir raida Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XIV a. pabaigoje – XVI a. pradžioje (1529 m.). Doctoral dissertation in Historical Sciences. Vilnius, 2017. 518 p.
- Kopreeva, T. N. Obzor pol'skikh rukopisei Gosudarstvennoi Publichnoi biblioteki (Sobranie P. P. Dubrovskogo) [A Review of the Polish Manuscripts from the State Public Library (Collection of P. P. Dubrovsky)]. In *Trudy Gosudarstvennoi Publichnoi biblioteki imeni M. E. Saltykova-Shchedrina*. Leningrad, 1958. Vol. V (8). Pp. 137–165.
- Krom, M. M. Vvedenie [Introduction]. In *Radzivillovskie akty iz sobraniya Rossiiskoi natsional'noi biblioteki: pervaya polovina XVI v.* Compiled by M. Krom. Moscow; Warsaw, 2002. (Pamyatniki istorii Vostochnoi Evropy. Istochniki XV–XVII vv. = Monumenta historica res gestas Europae orientalis illustrantia. Fontes XV – XVII saec.). Pp. 5–22.
- Kuczyński, S. K. Pieczęcie książąt mazowieckich. Wrocław, 1978. 435 s.
- Kuźmińska, M. Olbracht Marcinowicz Gasztołd. In *Ateneum Wileńskie*. 1927. R. 4. Z. 13. S. 349–391.
- Kuźmińska, M. Olbracht Marcinowicz Gasztołd. In *Ateneum Wileńskie*. 1928. R. 5. Z. 14. S. 121–174.
- Lane, J. 'The Doctor Scolds Me': The Diaries and Correspondence of Patients in Eighteenth-Century England. In *Patients and Practitioners. Lay Perceptions of Medicine in Pre-industrial Society*. Cambridge, 2002. Pp. 205–248.
- Laucevičius, E. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius, 1967. [Laucevičius, 1967a]
- Laucevičius, E. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Atlasas. Vilnius, 1967. [Laucevičius, 1967b]
- Lazutka, S., Gudavičius, E. Pirmasis Lietuvos Statutas. Paleografinė ir tekstologinė nuorašų analizė. Vilnius, 1983. D. 1. 419 p.
- Malczewska, M. Latyfundium Radziwiłłów w XV do połowy XVI wieku. Warszawa, 1985. 169 s.
- Maué, H. Verschlossene Briefe, Briefverschlusssiegel. In *Kommunikationspraxis und Korrespondenzwesen im Mittelalter und in der Renaissance*. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1998. S. 205–231.
- Mroczek, K. Tytulatura w korespondencji staropolskiej jako problem stosunku między nadawcą a odbiorcą. In *Pamiętnik literacki*. 1978. Rocz. 69. Zesz. 2. S. 127–148.
- Nakadzava, A. K probleme proiskhozhdeniya i evolyutsii etiketnykh formul "poklon" i "chelobit'e" v Drevnei Rusi [On Subject of the Origin and Evolution of Etiquette Formulas "Bowling" and "Petition" in the Old Rus']. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury RAN*. Saint Petersburg, 2016. Vol. 64. Pp. 653–677.
- Novokhatko, O. V. Rossiya. Chastnaya perepiska XVII veka [Russia. Private Correspondence in the 17th Century]. Moscow, 2018. 663 pp.
- Pankratova, N. P. Elementy epistol'yarnoi traditsii v chastnoi perepiske XVII veka [Elements of the Epistolary Tradition in the 17th Century Private Correspondence]. In *Issledovaniya po lingvisticheskomu istochnikovedeniyu*. Moscow, 1963. Pp. 134–143.
- Pankratova, N. P. Iz istorii chastnoi perepiski na Rusi [On the History of Private Correspondence in Rus']. In *Izuchenie russkogo yazyka i istochnikovedenie*. Moscow, 1969. Pp. 127–155.

- Petrauskas, R. Vienas karalius ir du bandymai: karalystės projektai viduramžių Lietuvoje. In *Acta academiae artium Vilnensis*. 2012. T. 65–66. P. 41–50.
- Pirling, O. Rossiya i papskii prestol [Russia and The Holy See]. Translation from French by V. P. Potemkin. Moscow, 1912. 452 pp.
- Pociecha, W. Gasztold Olbracht. In *Polski słownik biograficzny*. Wrocław, 1948. T. 7. S. 299–303.
- Polekhov, S. V. Nasledniki Vitovta. Dinasticheskaya voina v Velikom knyazhestve Litovskom v 30-e gody XV veka [Vytautas' Heirs. Civil War in the Grand Duchy of Lithuania in the 1430s]. Moscow, 2015. 709 pp.
- Polekhov, S. V., Zaitsev, I. V. Dva poslaniya Mengli-Gireya I kievskomu voevode Yuriyu Mikolaevichu Radivilu (1512–1513 gg.) [Two Letters of Mengli-Giray I to Jerzy Mikołajewicz Radziwiłł, the Voivode of Kiev (1512–1513)]. In *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2019. Vol. 7. No. 4. Pp. 720–732. DOI 10.22378/2313-6197.2019-7-4.720-732
- Potkowski, E. Podpisy królów polskich. In *Miscellanea historico-archivistica*. Warszawa; Łódź, 1987. T. 2. S. 5–37.
- Ragauskienė, R. Valdovas ir didikas: Žygimanto Augusto ir Mikalojaus Radvilos Rudojo 1546–1572 m. komunikacijos modelis jų korespondencijos šviesoje. In *Lituanistica*. 1998. Nr. 2. P. 13–41.
- Ragauskienė, R. Rusėniška XV a. pab. – XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės moterų – valdovių ir didikų – korespondencija. In *Istorija*. 2009. T. 76. P. 18–30.
- Ragauskienė, R. Tłoki pieczętnie szlachty Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI w. (na podstawie Metryki Litewskiej). Materjały do archeologii prawa. In *Sfragistichnii shchorichnik*. Kiev, 2011. Issue 1. Pp. 338–358.
- Ragauskienė, R. Dingę istorijoje. XVI a. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajorijos privatūs archyvai. Vilnius, 2015. 366 p.
- Ragauskienė, R. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kanceliarija ir Lietuvos Metrika XV–XVI a. pirmojoje pusėje. In *Susigrąžinant praeitį. Lietuvos Metrikos istorija ir tyrimai*. Vilnius, 2016. P. 51–70.
- Ragauskienė, R., Ragauskas, A. Barboros Radvilaitės laišakai Žygimantui Augustui ir kitiems. Vilnius, 2001. 254 p.
- Rossiia v pervoi polovine XVI v.: vzglyad iz Evropy [Russia in the First Half of the 16th Century: a View from Europe]. Compiler, author of introductory articles, notes, indexes – O. F. Kudryavtsev. Moscow, 1997. 408 pp.
- Ryčkov, A. “Ni na kogo nadei ne mayu, tolko na miloserdnogo Boga da na vashu milost”. Lietuvos kilmingųjų laišakai, adresuoti valdovo raštininkui Jonui Bogdanaičiui Sapiegai, [1507]–[1515] m. In *Lietuvos istorijos studijos*. 2018. T. 42. P. 105–128. DOI 10.15388/LIS.2018.42.12391. [Ryčkov, 2018a]
- Ryčkov, A. Judo bučiny: valdovo išdavystės samprata Lietuvoje (XIII a. pabaiga – XVI a. vidurys). Vilnius, 2018. 278 p. [Ryčkov, 2018b]
- Ryčkov, A. Valdovo raštininko Jono Bogdanaičio Sapiegos (+ 1546) galios telkimas XVI a. pradžioje. In *Lietuvos istorijos metraštis*. 2019. [Nr.] 1. P. 5–31. DOI 10.33918/2019/1/1 [Ryčkov, 2019a]
- Ryčkov, A. Rusėniškų laiškų formuliaras Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje ankstyvaisiais naujaisiais laikais. In *Lietuvos istorijos studijos*. 2019. T. 44. P. 31–46. DOI 10.15388/LIS.2019.44.2 [Ryčkov, 2019b]
- Svetikas, E. Kauliniai stiliai – vėlyvųjų viduramžių ir naujųjų amžių rašikliai Lietuvoje. In *Lituanistica*. 1998. Nr. 3 (35). P. 21–42.
- Svetikas, E. Lietuvoje aptikti vaškuotų lentelių pėdsakai. In *Lituanistica*. 1999. Nr. 3 (39). P. 45–77.
- Swieżawski, A. Jan (Janusz) z Książąt Litewskich. In *Polski Słownik Biograficzny*. Warszawa; Wrocław; Kraków, 1963. T. 30. S. 439–441.
- Tarabasova, N. I. Ob odnom frazeologizme v chastnoi perezpiske XVII veka [On the Phraseologism in the Private Correspondence in the 17th Century]. In *Issledovaniya po lingvisticheskomu istochnikovedeniyu*. Moscow, 1963. Pp. 144–155.
- Varonin, V. A. Z gistoryi uzaemaadnosin Vyalikaga Knyastva Litouskaga z tatarami u kantsy XV – pershai tretsi XVI stst.: Khan Shyg-Akhmat [On the History of Relations between the Grand Duchy of Lithuania and the Tatars in the End of the 15th – the First Third of the 16th Centuries: Khan Sheikh Ahmed]. In *Studia Historica Europae Orientalis = Issledovaniya po istorii Vostochnoi Evropy*. Minsk, 2011. Issue 4. Pp. 127–149.
- Volkov, S. S. Emotsional'no-ekspressivnye sredstva chastnoi perezpiski XVII v. [Emotional Expressive Instruments in Private Correspondence in the 17th Century]. In *Istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya*. Saint Petersburg, 2010. Issue 8. Pp. 7–14.

Województwo Wileńskie XIV–XVIII wieku. Oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba, P. P. Romaniuk. Przy współpracy U. Jemialianczuka i A. Macuka. Warszawa, 2004. (Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy. T. 1). 764 s.

Yaz'kova, V. E. Papskii prestol i Moskovskoe gosudarstvo (k istorii diplomaticheskikh svyazei v pervoi polovine XVI v.) [The Holy See and the Muscovy (On the History of Diplomatic Relations in the First Half of the 16th Century)]. In *Srednie veka*. 1995. No. 58. Pp. 199–205.

Yuzefovich, L. A. "Kak v posol'skikh obychayakh vedetsya..." ["According to the Customs of Diplomatic Service..."]. Moscow, 1988. 216 pp.

Zaitsev, I. V. Sheikh-Akhmed – poslednii khan Zolotoi Ordy (Orda, Krymskoe khanstvo, Osmanskaya imperiya i Pol'sko-Litovskoe gosudarstvo v nachale XVI v.) [Sheikh Ahmed – the Last Khan of the Golden Horde (Horde, Crimean Khanate, Ottoman Empire and the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Early 16th Century)]. In *Mezhdru Moskvoi i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nach. XV – per. pol. XVI vv.)*. Ocherki. Moscow, 2004. Pp. 99–120.

Zaitsev, I. V. Astrakhanskoe khanstvo [The Astrakhan Khanate]. 2nd edition, corrected. Moscow, 2006. 303 pp.

Zawadzki, J. Sumariusz dokumentów Krzysztofa Radziwiłła „Pioruna” z 1604 r. jako źródło do dziejów rodziny i Wielkiego Księstwa Litewskiego. In *Miscellanea Historico-Archivistica*. 2018. T. 25. S. 221–245.

Zimin, A. A. Perepiska startsev Iosifo-Volokolamskogo monastyrya s Vasiliem III [The Correspondence between the Elders of Joseph-Volokolamsk Monastery and Vasili III]. In *Lingvisticheskoe istochnikovedenie*. Moscow, 1963. Pp. 131–135.

Zimin, A. A. Rossiya na poroge novogo vremeni. (Ocherki politicheskoi istorii Rossii pervoi treti XVI v.) [Russia on the Threshold of a New Time. (Essays on the Political History of Russia in the First Third of the 16th Century)]. Moscow, 1972. 452 pp.

Andrej Ryčkov

Lithuanian Institute of History, Vilnius, Lithuania

THE EXAMPLE OF ONE DRAFT LETTER:
PRACTICES OF COMMUNICATION IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA
(THE FIRST HALF OF THE 16th CENTURY)

The communication practices in the Grand Duchy of Lithuania are examined in the article using one draft letter as an example. This draft, which can be described as absolutely anti-Moscow by the meaning, was written in 1526 in the court of a Lithuanian nobleman Jerzy Radziwiłł (+ 1541) (Lithuanian: Jurgis Radvila; Belarusian: Юрый Радзівіл; Russian: Юрий Радзивилл). In the draft, Jerzy Radziwiłł expresses his opinion to Sigismund I the Old, the Grand Duke of Lithuania, regarding the reasons why the coronation of Grand Prince of Moscow by the hands of Pope Clement VII must be prevented. The research has revealed the contribution of the nobleman and his private scribes to the preparation and sending of the final version of the letter to the addressee.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, political communication, ruthenian letters, Grand Prince of Moscow, crown